

Никулин Игорь Александрович

Что нельзя забыть!: Воспоминания (Фрагмент)

Строительство Норильского комбината развернулось во второй половине 30-х годов несметными ресурсами бесплатной рабочей силы, в том числе специалистами и учеными самой высокой квалификации, которыми располагала страна. Их «мобилизация» без каких-либо ограничений осуществлялась ГУЛАГом НКВД по 58-й статье — «Измена Родине» по всем ее десяти пунктам, начиная от нелояльного режима (или начальству) анекдота и кончая, как правило, вымышленным «вредительством».

В числе заключенных трудился крупный ученый-геолог — профессор Урванцев, который до водворения его в ГУЛАГ, десятью годами раньше, открыл и исследовал норильское месторождение полиметаллических руд и угля. Он официально считается первооткрывателем этого уникального месторождения в современных его масштабах, хотя еще до революции были купцы-предприниматели, которые там кустарными методами выплавляли медь...

...В 1945 г. для освоения электрической части экскаваторов меня — начальника электрической части первой норильской ТЭЦ, которую я пускал в 1942 г., — без моего согласия направили работать главным энергетиком рудников открытых работ.

...В течение этих четырех лет (1945-1949), ежедневно поднимаясь вверх по ущелью Угольного ручья, я не переставал удивляться, что подо мной слева, в огромной горе, содержится богатейшая полиметаллическая платиновой группы руда, а справа — прекрасный каменный уголь, на штыбах которого работала наша первая норильская ТЭЦ-1...

А вокруг чудес природы — людские трагедии такого многообразия и глубины, каких человечество не видело прежде.

В одном я не согласен с Солженицыным. ГУЛАГ не был архипелагом, он был материком, занимающим одну шестую часть земной поверхности. Люди по обе стороны колючей проволоки адаптировались к этому режиму и трудились не за страх, а за совесть. Причем мне пришлось наблюдать, что инженеры-заключенные чаще и более смело при решении сложных технических вопросов шли на производственный риск в отличие от вольнонаемных специалистов, потому что им терять было уже нечего, а каждый вольнонаемный мог в любой момент оказаться за колючей проволокой.

Мне, в мои 84 года, от стариков, которым сейчас 60-70 лет, часто приходится слышать: «Что говорить о ГУЛАГе! Сейчас тоже все тюрьмы переполнены. Страну захлестнула преступность, у подъездов убивают людей». Да! Это очень горькая, но капля в море крови и человеческих страданий в сравнении с тем, что

мы пережили в прежние годы. ГУЛАГу НКВД не нужны были тюрьмы. Он со своим многомиллионным контингентом заключенных не вписался бы и во все тюрьмы, имеющиеся на планете.

Но обратимся к судьбам отдельных людей.

***

На рудниках открытых работ в Норильске со мной работал заключенный Михаил Евгеньевич Петренко, сильный физически и духом, высокий не только ростом, но и своими квалификацией, способностями и работоспособностью. Блестяще решая любые возложенные на него обязанности, он всем своим существом на грани и за гранью допустимого боролся с жестокостями лагерного режима. Вне лагеря завел семью, родил сына, впоследствии ставшего одним из мировых рекорсменов по плаванию. Все нарушения лагерного режима ему сходили с рук благодаря поистине гениальной работоспособности. Оперативно-чекистский отдел лагеря постоянно его преследовал, но верховное руководство лагеря и комбината (сосредоточенное в одних лицах) не позволяло учинить с ним окончательную расправу — он был нужен для строительства комбината. У него были почти все десять пунктов печально известной 58-й статьи УК только за то, что он трудился в руководстве Всероссийского электротехнического общества (ВЭО), прообраза будущего министерства, бывал за границей и обладал очевидной, даже для карательных органов, работоспособностью.

О его подвигах можно написать роман, приведу лишь несколько примеров. В 1941-1942 гг. комплектация оборудования первых турбин, котлов и генераторов ТЭЦ осуществлялась с большими трудностями военного времени. Оборудование, в том числе эвакуированное из западных районов страны, оказавшихся в оккупации, приходилось комплектовать, разыскивая комплектующие детали по всей стране.

В порядке конфиденциального разрешения НКВД заключенный Петренко на самолете норильского авиаотряда в сопровождении заместителя начальника лагеря и комбината по капстроительству Н.В.Волохова был отправлен во Владивосток для отбора комплектующего оборудования для пуска первого агрегата ТЭЦ-1. Лучше, чем Петренко, это сделать никто не мог. Над Владивостоком норильский самолет был взят в кольцо истребителями Красной Армии, которые по радио запросили, кто на борту норильского самолета и куда следует. Пока командир самолета и зам. начальника комбината в замешательстве совещались, что ответить, зэк Петренко продиктовал бортрадисту: «На борту самолета особоуполномоченный НКВД СССР Петренко в сопровождении майора госбезопасности Волохова следует в аэропорт Владивостока». Все было правдой! Никаких осложнений, связанных с «опасным преступником» на борту самолета в пограничной зоне в самый критический период Великой Отечественной войны, не возникло.

Однажды я задержался до глубокой ночи на руднике с монтажом высоковольтных электрических линий для экскаваторов в новых забоях. Проходя охраняемую вахту производственной зоны, я заметил, что из города к вахте движется высокая фигура человека с громоздким предметом на плече и винтовкой в руке. Я подождал и увидел невероятную сцену: инженер Петренко сбросил с плеча мертвецки пьяного своего конвоира, положил на вахте винтовку этого горе-конвоира, улыбнулся мне и бодро зашагал в производственную зону для того, чтобы пройти еще через одну вахту в свой лагерь. Как правило, исходя из производственной необходимости, он должен был быть бесконвойным и свободно перемещаться по всей территории комбината. Но его периодически, под вескими предложениями, органы конвоировали. В данном эпизоде он продемонстрировал цену и эффективность индивидуального конвоя. Несколько раз пытались пришить ему новое дело и новый срок, но это органам довести до конца ни разу не удавалось.

Расконвоирование отдельных заключенных в Норильске не было сопряжено с непосредственным риском предоставить им возможность побега. Добраться нелегально из поселка Норильск до материка было всегда несопоставимо труднее, чем нелегально выйти из оцепления лагерного пункта, где заключенные жили, или из производственной зоны, где они работали.

Официальные транспортные средства — воздушные и водные — были перекрыты жестким персональным контролем, а попытки уйти своим ходом из Норильска заканчивались трагедиями, о которых ходили легенды. С одной стороны Северный Ледовитый океан омывает Таймырский полуостров, до побережья которого лежит путь в 700-1000 километров. С другой стороны до Красноярска расстояние более 2000 километров. В немногочисленных населенных пунктах между Норильском и Красноярском беглые заключенные показаться не могли. Они были бы немедленно схвачены — там все знают друг друга в лицо.

Можно не сомневаться, что, несмотря на все сложности, побег и трагедии, с ними связанные, имели место, но не подлежали огласке, как и все, что было связано с лагерным режимом. Некоторые из легенд о побегах заключенных казались мне правдоподобными.

***

На рудниках открытых работ радио и телефонной связью в подразделениях занимался радиоинженер высокого класса заключенный Вольяно. Он охотно всем, кто к нему обращался, чинил радиоприемники любых марок, в том числе иностранных. В один прекрасный день 1945 г. он не вышел на работу. Не получив вразумительного объяснения у лагерной администрации, я решил, что это очередные неразглашаемые режимные дела оперативно-чекистского отдела.

Примерно через полгода после исчезновения радиста Вольяно появился слух, что он бежал из Норильска в направлении Северного Ледовитого океана с так

называемой «коровой» — напарником, предназначенным для съедения, когда кончится пища, которую способны унести два человека. Но Вольяно не достиг побережья. Два трупа были обнаружены в разных местах далеко от Норильска, в том числе Вольяно. Он был сыном российского эмигранта с итальянской фамилией, который вырос и учился где-то за рубежом и знал иностранные языки.

Ходили слухи, что Вольяно установил радиосвязь с иностранной подводной лодкой и шел на встречу с ней. Немецкие подводные лодки во время войны достигали побережья Таймырского полуострова и в районе поселка Диксон вступали в бой с патрулирующими в Енисейской губе нашими военными судами. Эти факты нашли подтверждение в том, что в Норильске осели на жительство несколько военных моряков после излечения там ран, полученных в боях в районе Диксона.

Вот другой сохранившийся в моей памяти, не столь зловещий случай побега заключенного из Норильского лагеря.

Спортсмен высокого класса отбывал небольшой срок по уголовной статье, во время войны стал добиваться, чтобы его отправили на фронт. Получив отказ, он поздней осенью, по первому снегу, продвигаясь от Норильска до Транссибирской железной дороги, в течение полутора-двух месяцев дошел до Новосибирска, явился в военкомат и был отправлен в штрафной батальон на фронт.

***

После смерти Сталина и восстания заключенных лагерь в Норильске был ликвидирован. М.Е.Петренко освободился по отбытию срока и работал главным энергетиком Дудинского порта. Порт обслуживал перевалочную базу огромного комбината и города, весь грузопоток, который поступал в основном Северным морским путем и частично из Красноярска, по Енисею. Кстати, эта великая сибирская река в Дудинке имеет ширину около десяти километров и глубину, позволяющую принимать любые океанские суда.

Заключенные, отбывшие срок, после смерти Сталина были реабилитированы и могли свободно вернуться к месту своего прежнего жительства, а реабилитация Петренко по каким-то причинам долго задерживалась.

Наконец где-то в начале 60-х годов пришла на Петренко полная реабилитация с восстановлением всех прав жилищной площади в Москве и т.д.

И вот Михаил Евгеньевич Петренко, переживший все тяготы лагерного режима, не смог пережить реабилитацию — его разбил паралич. В московскую квартиру вернулся по-прежнему несгибаемой воли и интеллекта человек, но с полным правосторонним параличом и соответствующими дефектами речи. При его

росте выше 190 сантиметров это было тяжелое зрелище. Я бывал у него в московской квартире, а вскоре участвовал в его похоронах.

***

Лагерная администрация и прежде всего оперативно-чекистский отдел осуществляли преследование и пресечение любых малейших фактов непокорности и нелояльности.

В качестве мишени для своих постоянных преследований они избирали отдельных заключенных, руководствуясь непонятными для нас принципами. Делалось это, видимо, для устрашения всего контингента заключенных.

Все самые сложные расчеты режимов работы норильской энергосистемы осуществлял очень грамотный инженер — заключенный Дмитрий Васильевич Тимофеев, бывший работник Мосэнерго. Ни одного случая нарушения лагерного режима не числилось за этим застенчивым, культурным, принципиальным и гордым человеком. Но почему-то именно его очень часто подвергали изоляции и лишали возможности работать в энергосистеме.

КРД — контрреволюционная деятельность. Эти три зловещие буквы крупным шрифтом были написаны на спине бушлата каждого заключенного, который помещался в лагерь особо строгого режима.

Инженера Тимофеева периодически прятали от нас в этот лагерь. Руководству энергосистемы с трудом, но все же удавалось вызволять его оттуда, поскольку в этом была острая производственная необходимость.

В 1949 г., когда Тимофеева окончательно упрятали в Горный лагерь, меня освободили от работы главного энергетика рудников открытых работ и назначили начальником отдела режимов и главным диспетчером энергосистемы. Все расчеты, которые выполнял Тимофеев, перешли ко мне. Я первое время ходил к нему в Горный лагерь консультироваться.

Инженер Тимофеев, этот негибачый и сильный человек, выдержал 17 лет постоянных преследований в лагерях, после освобождения без права выезда (1937-1954) был полностью реабилитирован и вернулся в Москву на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт электроэнергетики (ВНИИЭ) Министерства энергетики и электрификации СССР. Пожилой возраст и пережитое не помешали ему защитить кандидатскую диссертацию, написать докторскую. Вот только защитить ее он не успел: иссякли недюжинные жизненные ресурсы Тимофеева.

Судьба распорядилась так, что мне пришлось по работе общаться с инженером Д.В.Тимофеевым десять лет в Норильске, затем в Красноярской энергосистеме, где я работал главным инженером, а позже и управляющим Красноярскэнерго.

В Красноярскэнерго инженер Тимофеев работал над кандидатской и докторской диссертациями. Он исследовал проблемы, связанные с электрификацией Транссибирской железнодорожной магистрали. Впервые в мировой практике использовался переменный ток промышленной частоты на Красноярском участке железной дороги. До этого контактные сети всех железных дорог мира работали на постоянном токе, питаемые от очень дорогих и сложных выпрямительных подстанций.

***

Норильским лагерем и комбинатом в 30-е годы руководил талантливый инженер и организатор Авраамий Павлович Завенягин.

В 40-е годы, когда А.П.Завенягин возглавлял Министерство среднего машиностроения в ранге заместителя Председателя Совета Министров СССР и создавал атомное оружие и атомную энергетику, его имя не сходило с уст норильчан, которые стремились сохранить завенягинскую школу и традиции: максимально прогрессивные, жесткие к недостаткам и в то же время справедливые и гуманные, насколько это возможно в условиях ГУЛАГа.

В 1943 г. Завенягин приезжал в Норильск. Его атомное ведомство строило рядом с нашей ТЭЦ-1, где я работал, совсекретный объект, который условно, а скорее в шутку называли «макаронной фабрикой»...

Завенягин требовал от руководителей подразделений комбината и лагерной администрации максимально гуманного и справедливого отношения ко всем заключенным. Инженерам и ученым он стремился создать условия, способствующие плодотворному интеллектуальному труду.

***

Самый крупный коллектив Metallургпромстроя (он возвел никелевый, медеплавильный и кобальтовый заводы) возглавлял талантливый инженер и организатор заключенный Ройтер. Руководители такого ранга постоянно жили вне лагерных зон в так называемых балках — небольших деревянных домиках на территории соответствующих объектов в производственной зоне. А сами они были бесконвойными и могли свободно ходить с соответствующим пропуском по всем зонам и объектам комбината. Отопление, уборка помещений таких балков, а также приготовление пищи и пр. возлагались на специально для этого прикрепленного заключенного согласно соответствующей квалификации.

***

Когда меня в начале 1952 г. по приказу последнего сталинского министра внутренних дел Круглова перевели из Норильска на другую стройку ГУЛАГа — Куйбышевскую ГЭС, вскоре туда стали призывать освобождающиеся на

строительстве Волго-Донского канала заключенные, вольнонаемные рабочие и специалисты, а также руководящие кадры.

Первым заместителем начальника Куйбышевгидростроя был назначен генерал Иван Сергеевич Шикторов. Мне, заместителю главного инженера Куйбышевгидростроя, приходилось часто выполнять его поручения и распоряжения.

Когда он ближе узнал меня по работе, он рассказал мне историю, повлиявшую на судьбы его и Завенягина.

И.С.Шикторов — инженер-энергомашиностроитель, в 30-е годы был выдвинут с одного из ленинградских заводов на высокий пост начальника Ленинградского областного управления НКВД. Через какое-то время в конце 30-х годов Сталин поручил Шикторову возглавить комиссию по расследованию деятельности А.П.Завенягина в Норильске. Имелась в виду вредительская деятельность.

Шикторов, проведя в Норильске расследование, опроверг все доносы и домыслы и соответствующий доклад представил Сталину, чем вызвал его недовольство (*Здесь изложена версия, услышанная автором непосредственно из уст И.С.Шикторова. У ветеранов Норильска есть и другая версия, где роль И.С.Шикторова выглядит не столь благородно.*). Следствием этого явилось снятие Шикторова с поста начальника Ленинградского управления НКВД и направление его в ГУЛАГ на строительство Волго-Донского канала.

Смелый и благородный поступок Шикторова позволил Завенягину не только выжить в то свирепое сталинское время, но и реализовать свой блестящий инженерный и организаторский талант.

Нельзя обойти вниманием и такую грань бытия ГУЛАГа.

Множество заключенных — деятелей культуры и гуманитарной сферы, квалификация которых не позволяла использовать их как специалистов на горных, металлургических и других предприятиях, оказывались в самом трагически-тяжелом положении. Не всем удавалось приобрести новую квалификацию, и большинство использовались на общих физически тяжелых, не привычных для них работах. Исключение из этого правила составляли артисты, которых собирали в так называемый культурно-воспитательный отдел (КВО) лагеря. Труппы артистов-заключенных периодически и, конечно, по праздникам разъезжали по многочисленным лагерным пунктам с концертами.

Заключенные-артисты давали яркие представления в Доме инженерно-технических работников, именуемом ДИТР. Это было здание с большим зрительным залом на несколько сотен мест, большой сценой, малыми залами и фойе для танцев, помещениями для секций клуба. Там же начинала формироваться техническая библиотека, имевшая небольшую группу переводчиков-заключенных. Некто заключенный Гарри, в прошлом видный

деятель 3-го Интернационала, оказывал мне неоценимую помощь в переводе на русский язык документации и инструкций, необходимых для квалифицированной наладки сложных электрических схем американских экскаваторов фирм «Бюсайрус» и «Марион».

Из коллективов артистов-заключенных запомнилась всем великолепная «львовская мужская капелла под управлением Дацко», которая в полном своем составе была репрессирована за то, что во время оккупации немцами города Львова зарабатывала свой хлеб, выступая с концертами. Капелла Дацко выступала часто, но не долго. Через 1,5-2 года она исчезла. Говорили, что артисты потеряли голоса, выступая в лагпунктах на открытом воздухе, в холодных и сырых помещениях. Повлияли на их голоса заполярный климат, режим жизни и питания.

Запомнились мужская балетная труппа и замечательный солист заключенный Татьян. Содержались в норильских лагерях и другие, в том числе знаменитые артисты, но далеко не все их имена были обнаружены.

Отбывали в Норильске неизвестно за что и такие знаменитости, как один из братьев Старостиных, всемирно известных футболистов, — Андрей. Он тренировал норильскую команду и воспитал классных футболистов, часть из которых вошла в сборную Красноярского края. Был там знаменитый вратарь сборной СССР по ватерполо с не менее знаменитой фамилией Буре, он играл вратарем в норильской футбольной команде и тренировал пловцов, а в свободное от игр и тренировок время работал у нас в энергосистеме. Его сыновья впоследствии стали рекордсменами мира по плаванию, а внук сейчас всемирно известная звезда первой величины в хоккее Павел Буре.

В труппе вольнонаемного Норильского драматического театра великолепно играл роли популярнейший и ныне здравствующий актер театра и кино Георгий Жженов, находившийся в ссылке после отбытия срока заключения в лагерях Магадана.

Невозможно пройти мимо и такого знаменательного факта, что в Норильском драматическом театре начинал свою блистательную карьеру артиста другой великий актер — двадцатилетний юноша Иннокентий Смоктуновский.

Невозможно переоценить, насколько глубоко были обескровлены наука, культура, экономика России революцией 1917 г., гражданской войной, эмиграцией и ГУЛАГом!

***

Судьба моей семьи отражает все вехи истории страны.

В моей трудовой книжке 2 июня 1942 г. в родном Красноярске записано «Призван в ряды РКК». Следующая запись сделана в Норильске 6 июня 1942 г.

о том, что я принят на работу инженером-электриком монтажного отдела УКС Норильска.

2 июня 1942 г. красноярский краевой военком на призывном пункте мне объяснил: в офицерскую школу меня, сына «врага народа», направить не могут, а рядовыми бойцами людей с высшим образованием приказом Сталина брать в армию запрещено. «В Сибирь эвакуируется промышленность и создается новая, а у вас диплом с отличием», — сказал он.

Куда-то позвонил, спросил, нужны ли инженеры-электрики, и дал мне адрес Норильского представительства ГУЛАГа в Красноярске.

Таким образом я оказался в негласной ссылке в ГУЛАГе и понимал, что работать я должен как сапер, без единой ошибки. Все десять лет, которые я работал в Норильске, бывший главный энергетик комбината Линцер отбывал наказание в лагере за «вредительство», — аварию с электродвигателем на малом металлургическом заводе, в которой, разумеется, он лично был совершенно не виновен.

Итак, в Норильск я попал отнюдь не случайно и не по распределению по окончании института, как другие молодые специалисты. Кстати, некоторых для этого аттестовали офицерами НКВД и мобилизовали.